

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1873/6auN32.htm>

Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit. Bd. XIII. Geschichte der deutschen Philosophie, v. Dr. Eduard Zeller. München, 1873. (Исторія наукъ въ Германіи. Новое время. Томъ XIII. Исторія нѣмецкой философіи, Эдуарда Целлера. Мюнхень, 1873).

Нѣмецкія книги -- суть лучшія книги на свѣтѣ. Въ сферѣ мысли и науки Германія, какъ извѣстно, имѣетъ авторитетъ, высоко стоящій надъ авторитетомъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ. Это умственное владычество тѣмъ поразительнѣе, что Германія приобрѣла его очень поздно; чтобы завоевать его, она должна была выйти изъ того презрѣнія и умственного подчиненія, въ которомъ находилась, и должна была взять верхъ надъ странами, уже давно обладавшими высокою умственною жизнью. "Въ серединѣ XVII столѣтія", рассказываетъ Целлеръ, "другіе народы (Италія, Англія, Франція, Голландія) высококомѣрно смотрѣли на нѣмцевъ, считая ихъ мало способными къ наукамъ, и всего меньше готовы были признать способность къ философіи за тѣмъ самымъ народомъ, который впослѣдствіи былъ преувеличенно названъ *народомъ мыслителей*" (стр. 1).

Какъ мы знаемъ, это высококомѣріе къ нѣмцамъ продолжалось и въ XVIII столѣтіи и уступило только блестящимъ подвигамъ германскаго генія, который къ концу этого столѣтія создалъ свою литературу и философію. Съ тѣхъ поръ побѣда слѣдовала за побѣдой, и умственное владычество Германіи получило силу, которой никогда не имѣли другія страны. Германія стала въ полномъ смыслѣ слова учительницею Европы, а слѣдовательно и всего міра. Франція и Англія, тѣ двѣ страны, которыя повидимому могли бы соперничать съ Германіею, покорно преклонились передъ нею. Послушайте Ренана, когда онъ говоритъ о нѣмецкой культурѣ и о своемъ первомъ знакомствѣ съ нею; для него это новый высшій міръ, какой-то храмъ, въ который онъ вошелъ съ восторгомъ и благоговѣніемъ изъ мелкаго міра французской мысли и науки. Точно такъ и у Карлейля, посвященнаго въ тайны нѣмецкой философіи, его родная англійская философія и наука вызываютъ величайшее презрѣніе. Блестящій и всесвѣтно знаменитый писатель Маколей вызвалъ какъ-то у Ренана отзывъ, который мы приведемъ для примѣра, чтобы показать, какъ далеко взглядъ человѣка, знакомаго съ германскою наукою, отступаетъ отъ обыкновенныхъ сужденій. "Разъ какъ-то я сталъ читать Маколея", рассказываетъ Ренанъ. "Эти рѣзкіе приговоры, эта враждебность къ своимъ противникамъ, эти явно признаваемые предразсудки, это отсутствіе безпристрастія и способности понимать противоположные взгляды, этотъ либерализмъ безъ всякой широты пониманія, что христіанство вовсе не христіанское, -- все это возмутило меня. Таковъ бѣдный родъ человѣческій, что для него нужны узкіе умы".

Но Англія и Франція -- страны слишкомъ своеобразныя, имѣющія слишкомъ давнюю, уже крѣпко сложившуюся и сильно разросшуюся культуру; поэтому онѣ не могли подпасть слишкомъ глубокому вліянію Германіи; онѣ продолжали жить своею умственною жизнью, хотя и чувствовали, что у нихъ отнято первенство, что власть ихъ потеряна. Но мы, русскіе, -- другое дѣло. Не имѣя своей науки и философіи, неудерживаемые никакими преданіями и обладая хотя бесплодною, но на все способною подвижностью, мы постоянно усвоивали себѣ направленіе нѣмецкой науки, такъ что все наше просвѣщеніе главнымъ образомъ есть плодъ германскаго просвѣщенія. До послѣднихъ дней Германія есть наша учительница и различные фазисы нашей умственной жизни непремѣнно содержатъ въ себѣ отраженіе философскаго и научнаго движенія Германіи.

И такъ новая нѣмецкая книга, трактующая о важномъ предметѣ и излагающая намъ современное состояніе науки, представляетъ для насъ очень важное и интересное явленіе. Въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ объ *исторіи философіи*. Спрашивается, чему же насъ учатъ нѣмцы относительно этого предмета? Знаменитый ученый написалъ исторію нѣмецкой философіи; мы съ жадностію беремся за книгу, но, разумѣется, не съ тѣмъ чтобы изучать ученія Лейбница, Канта, Гегеля -- мы и прежде были съ ними знакомы, -- а съ тѣмъ, чтобы найти для себя высшее руководство, получить наставленіе, какъ научнымъ образомъ понимать и обрабатывать исторію философіи вообще. Въ чемъ главная задача этой науки и какъ мы можемъ достигать ея?

Къ удивленію и сожалѣнію мы не находимъ въ новой книгѣ никакого отвѣта на эти вопросы, на вопросы вполне законные, которымъ насъ научила сама же Германія. Вотъ фактъ, на который мы желаемъ обратить вниманіе читателей. Наша великая учительница очевидно въ величайшемъ смущеніи; она умалчиваетъ о самыхъ существенныхъ пунктахъ науки, а о другихъ говоритъ съ странной